

УДК 81'373.45

О.М. Корытова

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Рассматриваются различные подходы к классификации иноязычных заимствований с акцентом на когнитивной классификации, базирующейся, в свою очередь, на ономаσιологической парадигме изучения особенностей формирования номинативных единиц.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, классификация, ономаσιология, производное слово, когнитивный подход.

Проблемы, связанные с заимствованием иноязычной лексики, постоянно привлекают внимание как лингвистов, так и широкой общественности. Различные оценки необходимости заимствований и их места в лексической системе языка в большой степени определяются социокультурными процессами. Изучение заимствований в диахроническом аспекте позволяет не только «пролить свет на преломление определенных процессов в истории тех или иных языков, непосредственные контакты с которыми привели к заимствованию» [2], но и, в определенной степени, проследить за историей народов, на этих языках говорящих. Интерес к изучению заимствований велик как в отечественной, так и в зарубежной литературе и связан, прежде всего, с именами таких ученых, как Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Л.П. Крысин, Ю.С. Сорокин, У. Вайнрайх, А. Хауген, П. Кох и др.

Наиболее общие «языковые и социально-психологические причины, способствующие усвоению иноязычной лексики ... выявлены с достаточной полнотой» [3: 259]. Обсуждая причины возникновения заимствований, некоторые авторы делят все иностранные слова на «заимствования по необходимости» (*necessity borrowings*) и «избыточные заимствования» (*luxury borrowings*). При более детальном изучении вопроса указываются более десяти причин, обзор которых представлен в работе [10].

Начало системному изучению заимствований западными учеными было положено работами В. Бетца, рассмотревшего и классифицировавшего латинские заимствования в древневерхненемецком, и А. Хаугена, определившего заимствование как «намеренное воспроизведение в одном языке моделей, образцов (*patterns*), ранее существовавших в другом» (цит. по: [13]). Говоря об образцах, моделях, А. Хауген учитывает возможность заимствования не только отдельных слов, но и различных конструкций, в частности словосочетаний. Именно благодаря этому некоторые лингвисты (см.: [8]) считают указанное выше определение наиболее точным на сегодняшний день.

Начиная работать над собственной классификацией заимствований, А. Хауген, скорее, стремился к как можно более точной передаче немецкоязычных терминов В. Бетца. Через несколько лет после первой публикации материалов А. Хауген уточнил дифференциацию заимствований и более детально разъяснил некоторые термины. Суммировав имеющиеся данные [6; 8; 10], мы представили обсуждаемую классификацию схематично (см. рис.1).

Рис. 1

Заимствованные слова представляют собой случаи полного переноса формы и значения иноязычного слова с разной степенью фонетической адаптации (ассимилированные, неассимилированные). При *заимствованиях-сдвигах* «происходит сдвиг в значении (внеязыковом контексте) лексемы родного языка» [6: 57]. При этом значение вновь образованного слова в языке-реципиенте может совершенно не совпадать со значением соответствующего слова в языке-источнике (*омонимичные* заимствования) или иметь с ним нечто общее (*синонимичные* заимствования). Вторую подгруппу среди заимствований-сдвигов составляют *заимствования-образования*, формируемые путем перевода всех (*точные*) или лишь некоторых (*приблизительные*) частей иностранного слова. Фактически, точные заимствования-образования в терминологии Хаугена соответствуют калькированным единицам в традиционном понимании. Заимствования-гибриды – это сложные слова, в которых одна из частей заимствована (представляет собой заимствованное слово), а другая является исконной.

Классификация, разработанная А. Хаугеном на основе идей В. Бетца, считается традиционной, или классической. Именно ее берут за основу

многие современные авторы, стремящиеся внести свою лепту в вопрос изучения типов и природы иноязычных заимствований в различных языках. Так, немецкий исследователь J. Grzega представляет собственную типологию заимствований, базирующуюся на рассмотренной выше традиционной классификации, с одной стороны, и на предложенной П. Штекауером [14] ономаσιологической модели формирования производного слова, с другой. Предлагаемый подход к рассмотрению иноязычных заимствований разработан в русле «когнитивно-исторической ономаσιологии» [10], что позволяет автору акцентировать внимание не только на номинативной, но и на понятийной значимости иноязычных новообразований в языке.

В самом общем виде модель формирования производного слова, предложенная П. Штекауером [14], включает пять уровней:

- 1) *концептуальный*, на котором происходит выделение фрагмента действительности и формирование самого общего представления о нем. На этом уровне концепту могут приписываться такие параметры, как, например, ВЕЩЕСТВО, ДЕЙСТВИЕ, КАЧЕСТВО или СОПУТСТВУЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО;
- 2) *семантический*, предполагающий выделение так называемых «семантических маркеров» внутри общих характеристик концепта;
- 3) *ономаσιологический*, включающий выбор одного из маркеров в качестве ономаσιологической основы (onomasiological basis) еще одного маркера как ономаσιологического признака (onomasiological mark) данной основы;
- 4) *ономатологический*, где в соответствии с принципом «распределения форм в зависимости от значения» (Form-to-Meaning Assignment Principle) подбираются конкретные морфемы;
- 5) *фонетический*, подразумевающий окончательное оформление единицы в соответствии с морфологическими и суперсегментными правилами языка.

Отмечая некоторые недостатки рассмотренной модели, J. Grzega [12] признает ее действенность при анализе большинства типов производных слов в английском языке. Стремясь к когнитивному осмыслению сущности иноязычных заимствований, ученый создает собственную схему, являющуюся попыткой осмысления принципов вхождения в язык различных типов иноязычных заимствований и их функционирования.

Модифицируя модель Штекауера, J. Grzega [10] объединяет первые два уровня в «уровень восприятия» (perceptual level) и заменяет термин «фонетический уровень» на «морфонологический уровень», справедливо отмечая, что заключительный этап образования новой лексической единицы подразумевает также учет правил фонотактики и морфологической сочетаемости. Под фонотактикой в зарубежной лингвистике понимают систему «правил и ограничений, управляющих возможностью появления опре-

деленных сегментов и последовательностей сегментов в слогах или словах данного языка» [7: 165. Перевод мой. – О.К.].

Говоря об иноязычных заимствованиях, J. Grzega [10] разделяет их на различные типы в зависимости от когнитивных условий их возникновения и функционирования в языке. Эту классификацию можно схематически представить следующим образом (см. рис. 2.).

Рис. 2

Проводя дифференциацию иноязычных заимствований, J. Grzega исходит из общепризнанного положения о том, что любое языковое новообразование берет истоки в речи, причем в речи отдельного носителя языка. Решая дать имя какому-либо фрагменту действительности, говорящий делает выбор в пользу заимствования из другого языка в двух случаях: (1) когда он недоволен имеющимся в собственном языке названием или (2) если соответствующее понятие в данном языке отсутствует. В обоих случаях мы имеем дело с *истинными* заимствованиями. При этом речь будет идти о заимствовании формы, а не значения. В случаях типа английского *verse*, образованного от древнеанглийского *fers*, изменившего первый звук под влиянием латинского языка, речь идет о *фонетических* заимствованиях. Если перешедшая в язык-реципиент форма не имеет точного звукобуквенного соответствия с формой в языке-источнике, речь идет о *неполных* заимствованиях. Например, греческое существительное *Aerobic* пришло в

английский в форме *aerobics*. Представляется, что при анализе большого количества заимствований отнесение многих случаев к этой группе может оказаться затруднительным. Многие иноязычные слова меняют свой облик, адаптируясь к системе языка-реципиента, в то же время установление изначальной формы (той, которую слово имело, только появившись в языке) часто оказывается нелегкой задачей, требующей тщательного диахронического анализа.

Под *ошибочными* заимствованиями автор понимает те примеры, которые традиционно описывают как случаи народной этимологии. Классическим примером в данном случае является английское существительное *gooseberry* (крыжовник), исторически возводимое голландскому *kruisbezie* или французскому *groseille*, но под влиянием народной этимологии получившее созвучие с названием птицы *goose* (гусь).

Говорящий может не переносить форму иностранного слова в родной язык, а обратиться только к содержательной стороне знака в языке-источнике и на ономастологическом уровне заполнить уже имеющуюся ономастологическую конструкцию исконными (принадлежащими родному языку) морфемами. Иными словами, говорящий «на семантическом уровне и на пути к уровню ономастологическому имеет дело с иностранным языком, но, достигнув ономастологического уровня, возвращается к родному языку» [11: 226. Перевод мой – О.К.]. В таких случаях речь идет о *заимствованиях-интерпретациях*, разновидностью которых являются *заимствования-переводы*, представляющие собой результат калькирования из языка-источника. Отметим, что на практике разграничение двух упомянутых выше типов оказывается весьма затруднительным. Так, английское существительное *gospel* было образовано сращением древнеанглийского словосочетания *god spel*, имевшего значение «good news» (хорошие новости). По данным некоторых этимологических словарей [15] последнее скалькировано с латинского *bonna annuantio*. Однако можем ли мы сегодня с полной уверенностью говорить о том, что это действительно был случай калькирования, а не создание аналогичной конструкции под влиянием латинского словосочетания?

Весьма интересны случаи *заимствования значения*, когда под влиянием иностранного слова расширяется значение исконного слова. Так произошло, например, с русскими прилагательными *тонкий* и *живой*, относившимися до XVIII века к характеристикам человека (*тонкий*, а не *толстый*; *живой*, а не *мертвый*). Под влиянием французского слова *fin* появился «тонкий вкус», а под воздействием *vif* – «живой ум» [4: 193].

На рис. 2 третья группа заимствований обозначена как *псевдозаимствования*. В работе [10] автор предлагает альтернативный термин – *creative loans*, от которого сам в дальнейшем [11] отказывается. На наш взгляд, этот отказ вполне оправдан, поскольку «creative loan» перекликается с «loan creation» в традиционной классификации Хаугена, что порождает излишнюю терминологическую неопределенность. Псевдозаимствования являются

смешанным способом образования номинативных единиц, находящимся на стыке словообразования и заимствования; это слова, состоящие из иноязычного материала, но никогда не существовавшие в такой форме в языке-источнике. Причиной появления таких слов является, как правило, престиж языка, из которого приходят псевдозаимствования. Именно в связи с такими словами обычно встает вопрос о границах допустимости использования иноязычных элементов.

В отечественной литературе оценка заимствований по большей части отрицательная, даже «раздраженно-язвительная применительно и к отдельным словам, и к процессу как таковому» [5: 136]. Это утверждение особенно справедливо по отношению к лексическим единицам из английского языка и его американского варианта. Тенденция к употреблению таких слов начала проявляться с 50-х годов XX века и была названа В.В. Виноградовым «американобесием». Некоторые современные исследования (см.: [1]) доказывают, что сегодня приток слов из английского языка в русский заметно уменьшился.

Возвращаясь к описанной выше классификации, хотелось бы отметить, что она не включает так называемых «заимствований-гибридов» (loan blends), присутствующих в традиционной классификации. Однако автор утверждает, что приведенная им дифференциация в полной мере правомерна для такого типа заимствований [10: 38]. Нам близка точка зрения J. Grzegza, считающего, что гибридные заимствования необходимо рассматривать не в общей классификации, а параллельно с обычными, односоставными заимствованиями. В дальнейшем мы планируем проверить правомерность утверждения о то, что заимствования на основе синтаксических конструкций «вписываются» в описанную в данной статье схему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорян А.Э. «Американобесие» уходит? // Русская речь. – 2005. – № 1. – С.62–68.
2. Демьянов В.Г. Фонетко-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. – М.: Наука, 1990. – 159 с.
3. Какорина Е.В. Сфера массовой коммуникации: отражение социальной дифференцированности языка в текстах СМИ // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 241–276.
4. Колесов В.В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб.: Юна, 1998. – 248 с.
5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языковой практикой масс-медиа. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
6. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 6. – С.61–80.
7. Auer, E.T., Luce P.A. Probabilistic phonotactics in spoken word recognition // McLennan, C.T. & Luce, P.A. (Eds.). University of Buffalo working papers on language and perception. – 2003. – Vol. 2. – Pp.164–202.
8. Corr, R. Anglicisms in German computing terminology. – 2003

- http://www.scss.tcd.ie/undergraduate/bacsll/bacsll_web/corr0203.pdf
9. Field, F.W. Linguistic borrowing in bilingual contexts. – John Benjamins B.V., 2002. – 228 p.
 10. Grzega, J. Borrowing as a word-finding process in cognitive historical onomasiology // Onomasiology Online. – 2003. – Vol. 4. – Pp.22–42 <http://www1.kueichstaett.de/SLF/EngluVglSW/grzega1032.pdf>
 11. Grzega, J. Compounding from an onomasiological perspective // Lieber, R. & Štekauer, P. (Eds.). The Oxford handbook of compounding. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp.217–232.
 12. Grzega, J. Onomasiological approach to word formation <http://www.pulib.sk/skase/Volumes/JTL03/08.pdf>
 13. Loveday, L. Sociolinguistic dimensions of borrowing <http://202.23.129.160/webopac/bdyview.do?bodyid=BD00003181&elmid=Body&fname=e03802.pdf>
 14. Štekauer, P. Fundamental principles of an onomasiological approach to word formation // Onomasiology Online. – 2002. – Vol.2 <http://www.onomasiology.de>
 15. The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C.T. Onions. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 1025 p.

УДК 801.73(073)

Н.Ф. Крюкова

О ЛОГИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В статье ставится вопрос о специфике научной логики филологической герменевтики, которая требует специального системного описания, необходимого для создания учебных программ с целью включения герменевтики в качестве исследовательской проблемы в учебный процесс в рамках университетского гуманитарного образования.

Ключевые слова: филологическая герменевтика, понимание, интерпретация, рефлексия, научная логика, смысл, текст.

В современной системе филологических и нефилологических наук филологическая герменевтика занимает достаточно определенное место, имеет свой исследовательский предмет и свои исследовательские методики. На это указывает основатель отечественной филологической герменевтики Г.И. Богин, который в своих многочисленных трудах [1] достаточно основательно описал ее статус как научной дисциплины, не успев, тем не менее, четко представить ее логическую систему в целом. Филологическая герменевтика изучает процессы понимания текста, но понимание текста является предметом и многих других научных дисциплин со своими методиками и техниками понимания, кстати, в определенной степени оказывающимися полезными и для самой филологической герменевтики. Это и семиотика с